

14. Gorbunov V.V. 25 years since the founding of the Altai Museum of Archeology and Ethnography of the Altai State University // Altai Territory 2010. Calendar of significant and memorable dates. Barnaul, 2011.
15. Oleinik TE History of museums of higher educational institutions of the Altai Territory // News of the Altai State University. 2009. № 4/2 (64).
16. Tishkina TV Zmeinogorsky Museum in 1922-25 // Preservation and study of Altai's cultural heritage: a collection of scientific articles / ed. Yu.F. Kiryushina and A.A. Tishkin. Issue. XI. Barnaul, 2000.
17. Museum of the History of Orthodoxy in the Altai [Electronic resource]. URL: <http://www.altai-eparhia.ru/museum/> (reference date: 01/02/2018).
18. The world of time [Electronic resource]. URL: <http://www.mirvremeni.ru/> (reference date: 01/02/2018).
19. Pharmacy with the option of the museum and restaurant [Electronic resource]. URL: <http://apteka.academy-of-capital.ru/> (reference date: 12.03.2018).

УДК 745:391

И. Н. Зувев, Алтайский государственный университет (Барнаул)
И.Л. Мусухранов,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул)

АСПЕКТЫ ДЕКОРАТИВНОГО ОФОРМЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА НАРОДОВ АЛТАЯ

Рассматривается костюмный комплекс народов Алтая. Исследование ориентировано в первую очередь на поиск мифоритуальной основы национальной одежды. Нельзя объяснить все детали и атрибуты традиционного костюма только бытовым укладом, различиями в хозяйствовании и образе жизни. Авторы считают, что миф и ритуал для человека архаичного племенного общества – живое объяснение основ всего его мира и комплекса традиционной одежды в частности.

Ключевые слова: народы Алтая, традиционный костюм, мифология, межкультурные связи, ритуал, бытовые особенности, традиционные прически, функции костюма.

I.N. Zuev, Altai State University (Barnaul)

I.L. Musurkhanov, Altai State Institute of Culture (Barnaul)

THE ASPECTS OF THE DESIGN AND DECORATION OF ALTAI NATIONAL COSTUME

In article the costume complex of the people of Altai is considered. The research is focused first of all on search of a miforitualny basis of national clothes. It is impossible to explain all details and attributes of a traditional suit only household way, differences in managing and a conduct of life. Authors consider that the myth and a ritual for the person of archaic breeding society – a live explanation of bases of all its world, and a complex of traditional clothes in particular.

Keywords: peoples of Altai, traditional costume, mythology, intercultural ties, ritual, everyday features, traditional hairstyles, costume functions,

Дошедшие до нас описания и изображения предметов материальной культуры Алтая в целом и комплекса традиционного алтайского костюма в частности позволяют считать, что декоративное оформление соответствующих памятников зачастую имело сакральную функцию и было воплощением комплекса мифоритуального знания, характерного для данного этноса. Изучение костюмного этнического комплекса позволяет также выявить древнейшие формы художественной выразительности, т.е. «архетипические формы искусства, в том числе искусства архаического» [1, с. 40]. В период же новейшего времени в комплексе народного костюма, практически не подверженного влиянию «больших стилей» исторических эпох, до сих пор находят художественное воплощение практически утратившие былой смысл и назначение формы. Поэтому почти повсеместно комплекс традиционного костюма в своем декоративном оформлении оперирует архаическими мотивами и образами, хотя зачастую и утратившими для современного человека сакральный смысл.

Поиск мифологической основы при создании традиционного костюма, как бытового, так и комплекса костюма для совершения религиозных церемоний, является предметом нашего исследования.

Методы изучения проблем этноискусствознания до сих пор активно обсуждаются в научном сообществе. Можно выделить следующие уровни методологии этноискусствознания:

1. Философский. В этом случае анализ направлен на выявление устойчивых ментальных структур, связан скорее с содержанием изучаемого объекта.
2. Общенаучный. Включает в себя, в свою очередь, системный, исторический, сравнительный, типологический подуровни и рассматривает объект с точки зрения единства содержания и формы, учитывая контекст природных и этнических факторов.
3. Частнонаучный. Совмещает этнографические и искусствоведческие подходы, апеллирует скорее к форме объекта.

В нашем исследовании методологический подход не может быть обозначен однозначно, скорее это совокупность методов, позволяющих от частного изучения феноменов материальной культуры выйти к пониманию вышеозначенных феноменов в философском единстве парадигмы «форма – содержание» [2, с. 418].

Изучение конструкции и декоративного оформления, специфики орнамента национального костюма алтайцев в историческом, социальном, семиотическом и эстетическом аспектах даёт возможность определить особенности формирования человеческой культуры, причем в ее локальных проявлениях, а также расширить исследовательский горизонт до изучения формирования культуры человека в целом. Таким образом, национальный традиционный костюм алтайцев представляет многокомпонентную основу, в целом характерную для всех его многочисленных этнических групп, и является важным подспорьем в изучении истории становления человека.

На основе специфики культуры и быта у алтайцев можно выделить две основные этнические группы: южную и северную. К племенам южной группы относятся: теленгиты, телеуты, алтай-кижи. Наиболее крупные группы сосредоточены в Онгудайском, Усть-Коксинском, Шебалинском, Чемальском (Элекмонар) и Майминском аймаках (районах). К северным алтайцам относятся следующие родоплеменные группы: кумандинцы, тубалары, челканцы, шорцы. Расселены они в Турочакском аймаке (районе), а также за пределами Республики Алтай.

По мнению ряда видных этнографов и искусствоведов, традиционный костюм практически любой этнической группы являлся своеобразным отражением мифологической космологии и космогонии, т.е. мы можем рассматривать традиционный костюм и его элементы как своеобразную модель мироздания, с присущими ей специфическими чертами и особенностями.

Можно считать универсальными для маркирования зон мироздания в традиционной мифологии народов Алтая (верхний, средний и нижний) принципы употребления и использования цветов: красного, белого и си-

него [3, с. 345]. «Обязательные» белый, красный, синий цвета присутствуют на характерных для населения Алтая жертвенных лентах «ялама», символизирующих, помимо прочего, жертвенную одежду [3, с. 345]. На знаменитом ворсовом ковре из Пазырыка у знатных всадников в одежде видим те же цвета – белый (фон рубахи), синий (штаны) и красный (туфли) и вертикальные полосы на рубахе; их размещение на одежде также соответствует символике основных сословий [3, с. 346].

Несомненно, на культуру, обычаи и традиции, в том числе и в одежде, оказало влияние этническое окружение, межкультурное взаимодействие. В культуре южных алтайцев прослеживается влияние тюрков, кыпчаков, монголов, китайцев. Много сходства можно отметить в материальной культуре южных алтайцев с наследием казахов, киргизов, тувинцев и других тюркоязычных народов. Л.П. Потапов писал: «Если в мужской одежде алтайцев, в частности, халате, совпадение проявляется с казахами, особенно по линии терминологии (алт. чокпек, каз. шокпен) или для овчинной шубы (алт. и каз. – тон), то в женской одежде большое сходство обнаруживается с киргизами. Зимняя одежда телеуток (тон), например, совершенно такая же, как старинная киргизская женская шуба – ичик. Для алтайцев и киргизов характерно ношение опояски из ткани (кур), и т.д.» [4, с. 41].

Для украшения одежды южные алтайцы, как казахи и киргизы, использовали вышивку и аппликацию с различными видами орнамента. Можно ли считать применение орнаментики и декора выражением чисто эстетического переживания? «Эстетическое» как категория появляется в первобытном человеке, скорее всего, в ходе исторического времени в процессе духовного развития человека, на основе осознания присущего природе совершенства, когда природа перестает быть просто средой обитания. Лишь тогда человек начинает воспроизводить эти качества природы в трудовой деятельности, например, при изготовлении одежды, обуви, головных уборов. «Человек в рассматриваемые нами временные рамки был погружен в родовую, племенную мифологию. Мифологический тип мышления объясняет весь окружающий мир через миф и посредством мифа» [1, с. 78].

Следует учитывать, что все изготавливаемые предметы по настоящий день производятся при обязательном соблюдении обрядов и ритуалов. «Все предметы, связанные с отправлением ритуалов и культовых действий, орнаментовались и декорировались особенно тщательно и в соответствии с принятым в данной местности каноном» [5, с. 10–20].

Мы считаем, что при исследовании ранних периодов становления искусства и культуры человека эстетическая функция не может быть выделена отдельно, без соотнесения с мифоритуальной или сакральной.

Изображения на орнаменте и декоре одежды практически повсеместно передают изображение божества или духа, или сценарии событий, связанных с существованием божеств. Таким образом, декор или иное украшение можно соотнести с мышлением в рамках мифологической картины мира. В орнаменте зримо реализовывался мировой мифологический порядок. Мы делаем вывод, что украшения и орнаменты нельзя рассматривать как явление эстетическое. Фактом эстетики археологические артефакты или продукция народных ремесел становятся только для современного человека.

Многие исследователи, в частности А.В. Анохин, отмечают, что декоративное оформление имело также дифференцирующее значение, являясь обозначением семейного и социального статуса, что сохранилось в современной культуре Алтая. Маркирование по принципу дифференциации, на наш взгляд, также нельзя считать основным. В современной нам одежде мы тоже можем четко дифференцировать, например, представителей власти и правопорядка. Интересным можно считать тот факт, что безнаказанно использовать одежду, не подходящую ему по статусу, мог шаман, в современном мире это чаще всего актеры, по многим факторам (пение, танец, трансовое состояние) с шаманами совпадающие.

Упомянутые нами выше межкультурные связи, общие черты в комплексе костюма можно найти между культурами народов Алтая и, к примеру, традиционной скифской культурой. Этот факт неоднократно подчеркивался многими исследователями [6]. Объединяющими являются многие мифологические мотивы: три горизонтальные зоны мироздания, характерные для мифологии как алтайцев, так и скифов, схожим образом и обозначались: особое размещение антропоморфных изображений божеств на костюме аристократа в скифские времена. Об этом свидетельствует определенная система размещения декора на одежде, в соответствии с которой тело человека делилось на три вертикальных яруса (первый – голова, второй – грудь, третий – область бедер), и каждый ярус соотносился с Верхним, Средним и Нижним миром. Так, пазырыкские орнаменты одежды в виде «чешуи» явно связаны с птичьим оперением, змеиной или рыбной чешуей. Однако чешуйки идут в направлении, противоположном «природному», – овальным выступом вверх. Все разъясняется, если предположить, что размещение «вверх ногами» рассчитано именно на взгляд хозяина одежды (и светлых божеств Верхнего мира) [5, с. 34]. До сих пор на шаманских костюмах Южной Сибири, включая отдаленных потомков «пазырыкцев», все мелкие подвески, бахрома означали птичьи перья. Таким образом, схожесть мифологических систем породила и схожесть декора костюма скифов и алтайцев.

В культуре северных алтайцев наблюдается сходство с культурой русских, населяющих Алтай в различные исторические периоды, и с обскими уграми (хантами и манси). Л.П. Потапов отмечал: «Распашная верхняя одежда кумандинцев (как и челканцев и шорцев) совершенно одинакова по покрою и по материалу (самодельный холст из волокна кендыря или крапивы) с соответствующей верхней одеждой сургутских хантов (среднее и нижнее течение Оби), а также нарымских селькупов» [4, с. 63]. Также аналогии народной культуры северных алтайцев с культурой хантов и манси дает сопоставление орнаментов. Исследовавший этот вопрос С.В. Иванов пришел к заключению, что прямолинейный геометрический орнамент, характерный для домотканых и вязаных изделий кумандинцев и шорцев, распространен и у южной группы хантов, южных манси и нарымских селькупов. Однако не стоит забывать, что в период установления соответствующих межкультурных связей русские, хотя и считались православными (скорее старообрядческого православия), но также обладали собственной мифологической системой пантеистического толка. Отсюда мы можем сделать вывод, что алтайцы контактировали с представителями мифологических систем иного порядка и содержания.

Конечно, мы не можем не учитывать материальные причины различий в костюмах народов юга и севера Алтая, было бы неуместным объяснять это только мифологическими и космологическими особенностями. Но традиционная мифология, постоянное обращение к паре оппозиционных богов алтайской мифологии (Ульгень – бог верхнего мира, Эрлих – бог нижнего мира), постоянное следование ритуалам, призывание на помощь родовых шаманов, позволяют высказать смелое предположение, что именно мифология для народов Алтая стала своего рода этносвязующим стержнем.

Рассмотрим различия между южными и северными алтайцами в сфере их традиционной хозяйственной деятельности. У южных алтайцев выделяются следующие культурно-хозяйственные традиции: кочевое и полукочевое пастбищное скотоводство, развитое молочное хозяйство, которое составляло основу их питания. Культурно-хозяйственные традиции северных алтайцев основаны на пешей охоте на зверя, таёжном рыболовстве, мотыжном земледелии, собирательстве дикорастущих растений. Хозяйственный комплекс отразился в особенностях конструкции и декора национальной одежды алтайцев. В этом отношении наблюдается резкое различие в конструкции и декоре традиционной одежды у обеих групп алтайцев.

Но можно ли объяснить это различие только бытовым укладом, различиями в хозяйствовании и образе жизни? Нам представляется, что подоб-

ное объяснение просто невозможно, ведь все сферы племенной жизни человека (в нашем случае этнические группы алтайцев) была неразрывно связана с мифом, всепроникающим и всё объясняющим. Миф для человека архаичного племенного общества – живое объяснение субстанциально-генетических основ его вселенной, всего его мира, миф «оплодотворяет» все сферы деятельности, в том числе и хозяйственную. Традиционный народный костюм, его декор и орнаментика не могут быть рассмотрены без отрыва от исследования мифологии соответствующей народности. Обязательным является соотнесение анализа орнаментики и декора с народными традициями и верованиями. Нам представляется, что в поиске подобного исследовательского и методологического «синкретизма» предмет и объект научного исследования могут быть изучены наиболее полно и объективно.

Подробно рассмотрим особенности верхней одежды алтайских племен. Эта тема многократно исследовалась, предметы одежды хорошо описаны, нет оснований не доверять данным, приводимым уважаемыми авторами.

Анализ необходимо проводить с учетом территориально-географических различий, ведь различным территориям свойственны и различные погодные условия: если для южных алтайцев основным средством передвижения круглогодично была верховая и вьючная лошадь, то и традиционная одежда, в частности зимняя шуба, была приспособлена к верховой езде на лошади. Так, шуба была длинной, ее полами можно было укрыть ноги при верховой езде. Чтобы длинные полы не мешали при ходьбе, телеуты, например, пристегивали их на пуговицы под подмышками. Шубы шили из овчины, шкур коз и косуль, молодого марала, верх шуб покрывали бархатом, сукном, китайским шелком, атласом, хлопчатобумажной тканью – в зависимости от достатка семьи, наличия выбора ткани у купцов. Если шуба сверху не была полностью покрыта тканью, то нагрудная часть левой полы, край подола и манжеты обшивались широкой полосой однотонной темной ткани, бархата или сукна.

Женские шубы южных алтайцев по крою и декору отличались от мужских. По словам видного исследователя культуры Алтая Т. С. Корнеевой, «мужская и женская шуба подпоясывалась куrom – поясом из 3–4 метров однотонной ткани. Поверх шубы замужние женщины у южных алтайцев носили особую одежду чегедек. Чегедек как бы являлся символом замужества. Это был долгополый кафтан или армяк без рукавов с широкими твердыми плечами, со сборками в талию, распахивающийся спереди. Чегедек был синего или черного цвета, шили его из плотной, нередко дорогой ткани, чаще всего из хорошего сукна или шелка, отделывали по борту черным бархатом. Ворот, проймы и разрез спереди от-

дельвали нашиваемой на сукно полосой золотой парчи или позументом и тамбурной вышивкой по краю, представлявшей совершенно прямые, в один ряд полоски, объединенные в сплошную ленту, отливающую всеми цветами радуги (шириной 3–4 сантиметра). Чтобы длинные полы чегедека не мешали при работе, их подвертывали спереди внутрь и передние углы пол просовывали в широкие проймы, где они достаточно крепко удерживались. При верховой езде пола чегедека лежала на подхвостнике коня. Отделки чегедека и шубы обычно гармонировали между собой. Отдельные скупо декорированные предметы костюма в целом составляли достаточно красочный ансамбль. Большую роль в костюмном ансамбле играл черный цвет, оттеняя и объединяя остальные». В летнее время чегедек надевался поверх рубахи. Женская рубаха (чамча) была короткой, широкой, с косым воротом, длинными рукавами и большим воротником, имевшим чаще всего квадратную и реже круглую форму. Воротник по кромке украшался тесными, двойными, тройными рядами прошитых белых и цветных пуговиц, а к краю воротника свободно пришивались крупные цветные круглые пуговицы, бусы и бисер, образующие как бы бахромю. При этом к каждому клапану крепились по 4–6 составных подвесок, состоящих из набора в 3–7 разноцветных бусин. Подобные пуговицы выполняли как эстетическую, так и утилитарную функцию в женском костюме. Они могли служить в качестве застежек, соединяющих верхнюю левую полу халата с нижней правой» [7, с. 6–7].

Также читаем у Т.П. Алексеевой: «Зимой и летом мужчины и женщины носили шапки. Головные уборы южных алтайцев отличались большим разнообразием. Мужчины, женщины, девушки носили шапку болчокборук. Ее шили из мерлушки мехом вниз, сверху крыли темным однотонным материалом. Шапку кроили из четырех деталей, суживающихся к макушке. Край шапки обшивался парчой, оторачивался узкой полоской меха выдры. К макушке пришивали кисть из цветных ниток длиной до плеч с помощью короткой нитки бус. Преобладающей формой шапок у южных алтайцев были конусообразные и цилиндрические с полукруглым верхом. Зимние шапки изготавливались из меха мерлушки, лисы, выдры, а летние – из войлока, холста. Край шапки оторачивался полоской меха, над ней иногда нашивалась узкая полоска парчи или шелка, как правило, с геометрическим орнаментом. К макушке очень часто пришивали кисть из разноцветных хлопчатобумажных или шелковых ниток. Соотнесение головных уборов с «Верхним миром» мифологии делало их одним из обязательных атрибутов религиозных церемоний. Так, во время камлания шамана бочатских телеутов, при апелляции к богу верхнего светлого мира Ульгеню, шапка выступала своего рода заместителем, посредником

человека в получении ниспосланного ему небесного «дара». Совершая путешествие в верхний мир, шаман от Ульгения (через духа-посредника Энеем – Яючи) получал души-зародыши (кут), чтобы затем передать их людям. Человек, принимающий кут, клал перед шаманом шапку. Тот над ней сильно бил в бубен» [8].

У северных алтайцев, так же, как и у южных, имели распространение головные уборы из войлока. Наиболее часто встречались шапки трех видов: шапка борук – она составляла часть промыслового костюма охотника. Второй вид – войлочная шапка с высоким околышем из загнутых вверх полей и приплюснутым верхом. Третий вид – войлочная шапка, имевшая форму усеченного конуса, «снаружи ее обшивали шкурой утробного детеныша марала, а верх шапки – бумажной тканью, подклад состоял из локутов разных мехов... [5, с. 12].

Таким образом, можно прийти к выводу, что головные уборы соотносились с сакральным верхом, что подчеркивает горизонтальное трехмирие в мифологии алтайцев. Шапка являлась и специфическим символом верхнего мира, знаком принадлежности к нему (вспомните высокие головные уборы царей и знати, к примеру, в допетровской Руси), но также являла собой своеобразный «щит», оберегая того, кто ее носит. Шапка алтайского шамана как символизировала принадлежность шамана к определенной этнической группе, так и являлась символическим носителем плодородия. Напомним характерный жест бросания шапки оземь после шаманского камлания.

Женщины у северных алтайцев чегедеков и шапок не носили. Они носили платки, как правило, красного цвета. Северные алтайцы уже в XIX в. переняли головные уборы русского населения Алтайского края. В.И. Вербицкий писал: «Мужчины у северных алтайцев носили военные картузы, шапки с высоким околышем, а летом – шапочки из холста, дабы или нанки, вроде усеченного колпака с кружком наверху» (цит. по: [9, с. 25]). Т.П. Алексеева объясняет это так: «Здесь сказалось влияние русской культуры. Все это объясняется тем обстоятельством, что северные племена алтайцев в течение многих десятков лет жили, тесно соприкасаясь с русскими крестьянами. Культурные связи росли и развивались в такой степени, что оседлый материальный быт русских крестьян широко вошел в жизнь данных племен» [8].

Л.П. Потапов, исследовавший историю и культуру алтайцев, писал об этом так: «В одежде русское влияние сказалось больше всего в мужском костюме. Женщины, перейдя к ношению фабричных тканей, шили длинные рубахи-платья своеобразного своего покроя и часто носили легкий халат из холста своего изготовления, характерный для шорцев, кумандин-

цев и челканцев» [4, с. 252]. Здесь характерно то, что именно северные алтайцы более всего контактировали с пришлым русским населением, тогда как южные были более изолированной и замкнутой этнической группой. Скорее всего, именно этим можно объяснить тот факт, что именно в среде южных алтайцев можно найти аутентичные артефакты, связанные с костюмным комплексом.

Важным дополнением к женскому образу в алтайском национальном костюме была прическа. Она также выполняла знаковую и дифференцирующую роль. В прическах алтайских женщин наблюдаются как общие черты, так и племенные различия. Все замужние женщины у южных и северных алтайцев носили две косы. Длинные косы были одним из первых признаков женской красоты, поэтому косы удлиняли при помощи специальных украшений. Накосные украшения женской прически имели существенные этнические отличия. Женщины, например, алтай-кижи в косы вплетали накосники – шнуры, оканчивающиеся тяжелыми украшениями – раковинами каури, нашитыми в три или четыре грани на основу. «Накосники соединяли между собой шнурком, ниткой бисера. Накосники богатых женщин состояли из двух или трех ярусов раковин, разделенных золотыми, серебряными и медными кольцами, подвесками из бисера и металлических пластин» [10, с. 9]. Кумандинские женщины косы украшали подвесками, состоящими из двух медных колец, к которым пришивали два треугольника из красного или черного сукна с каймой другого цвета. На внешней стороне треугольника пришивали два ряда раковин каури. Между собой подвески соединялись длинными нитками бисера, которые висели цепью ниже талии. Использование в качестве украшения большого количества бисера, раковин каури для накосников характерно для этнографической культуры разных этнических групп алтайцев.

По данным Е.П. Зайцевой, накосные украшения представляли собой шнуры или косички из волос (иногда использовался конский), которые девушки и женщины вплетали в волосы. Все девушки у южных и северных алтайцев, не достигшие брачного возраста, носили нечетное количество косичек. «У южных алтайцев, например теленгитов, девушки заплетали до 13 косичек» [9, с. 104]. С наступлением брачного возраста, когда девушке исполнялось 16 лет, ее прическу украшали накосным убранством шанкы. Узлы, шнуры, пуговицы, металлические петельки, раковины, украшавшие прическу девушки, символизировали ее невинность и неприступность. Итак, несмотря на некоторые отличия в оформлении накосных украшений разных этнических групп алтайцев, для них характерны и общие сходные черты: использование большого количества накосников для украшения прически девушек и двух накосников для замужней женщины.

Непременный элемент женского убранства и у южных, и у северных алтайцев – серьги. «Серьги алтайцы покупали у китайских, монгольских и русских купцов. Серьги носили, как правило, медные или оловянные. Интересную форму имели женские серьги у южных алтайцев: к мочке прикреплялась тонкая медная или серебряная проволока, изогнутая в форме латинского S, на нижнем изгибе прикреплен пучок лебедино-го пуха и тяжелые нити стеклянных бус, пуговиц и раковин, соединяющие, словно цепь, обе серьги» [11]. Подобные серьги с подвесками и цепочками из бусин бытовали у телеутов до конца XIX – начала XX в. По данным Е.П. Зайцевой, для разных этнических групп алтайцев характерны были различные формы серег. У женщин алтай-кижи были серьги с кольцевыми подвесками, шаровидными или каплевидными бусинами, дисковидными фигурными подвесками с цветными вставками. У телеутов бытовали серьги с кольцами, дисковидными и треугольными подвесками с тремя нитками бусин [10, с. 20–37].

Серьги с подвесками были характерны и для многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Сибири. Исследователи, в частности Л.П. Потапов, отмечают, что все украшения были посвящены определенным духам и божествам, например, все украшения девушек, особенно при наступлении фертильного возраста, были посвящены богине Умай (Умай-эне), которая являлась своеобразной помощницей в родовспоможении и определяла большое количество детей в семье. Мифологически оправданы практически все украшения и декоративные элементы причесок алтайского костюма: серьги, кольца, наконечники, подвески, браслеты. Обязательной деталью убранства девушки-невесты были серьги. А. Ю. Борисенко отмечает: «в языках Алтая невесту называли сыргалык-сыргалу (буквально: «имеющая серьги», «с серьгами»)». Тюркская традиция – наделять украшения особыми свойствами, сохранились до этнографической современности. Эстетическая и дифференцирующая функции украшений были неразрывно связаны с символикой плодородия. Обращает на себя внимание обычай телеутов прокалывать ушные мочки девочкам непременно в начале весны, когда реки разливались, а у черемухи набухали почки. Если ко времени прокалывания ушей цвет с кустов черемухи уже опал, то операция откладывалась до следующего года [11].

Итак, подробный обзор особенностей традиционного костюмного комплекса южных и северных алтайцев демонстрирует ряд существенных различий:

Различия в характере и типе скотоводства и охоты у данных народов, а также отсутствие у южных алтайцев ткачества проявились в некоторой степени в такой составляющей материальной культуры, как одежда. Ал-

тайцы севера чаще южных алтайцев контактировали с пришлым русским населением, следовательно, в большей степени воспринимали черты иной культуры, включая манеру одеваться и принципы изготовления одежды. С севера Алтая была начата прозелитисткая христианская деятельность (навязывание новой мифологической системы).

Но, по нашему мнению, все вышеназванные причины не могут в полной степени объяснить динамику конструирования народного костюма в этом регионе. Мифология, космология, транслируемая устно, являлась своего рода самоидентификацией алтайцев, народа, не имевшего письменности. Испытывая в разные исторические периоды культурную экспансию соседних народов, именно собственный пантеон, развитая мифология, позволили сохранить национально-культурную идентичность. Наличествование племенных шаманов как носителей мифоритуальной культуры, частое и ритуально структурированное «призывание» божеств и духов верхнего и нижнего миров (камлание) позволяют говорить, что в комплексе одежды в целом, а особенно в части орнаментирования и декорирования элементов костюма, непременно проявлялась функция «обережности». Миф о «трехмирии» реальности [5, с. 11] диктовал условия и при изготовлении одежды и ее декорировании. Представители разных миров в мифах и сказках Алтая описываются с характерными особенностями в одежде, по которым их можно маркировать. Человек «Среднего мира» не должен носить на себе атрибуты и знаки иных миров, т.е. для духов местности костюм человека должен быть узнаваем, чтобы по ошибке духи не причинили какого-либо вреда или не переместили его насильно в параллельно существующий в мифологической реальности мир. Отдельного исследования, несомненно, заслуживает комплекс ритуальной одежды и атрибутики шамана. Обобщение и анализ вышеизложенного материала показывает, что не только материальная культура и ее факторы оказали влияние на конструкцию и декорирование национального костюма южных и северных алтайцев, значительную роль в этом сыграли мифологические представления и особенности космогонии и космологии народов Алтая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Элиаде М. Священное и мирское. М., 2013.
2. Нехвядович Л.И. Этноискусствознание как метод изучения этнокультурных традиций в изобразительном искусстве // Мир науки, культуры, образования. №6 (43). Горно-Алтайск 2013.
3. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М., 2006.

4. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев : историко-этнографический очерк. Л., 1969.

5. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев // СМАЭ. 1924. Т. 4, вып. 2.

6. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаем А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

7. Корнеева Г.С. Декоративная функция костюма как индикатор формирования материальной и духовной культуры общества // Национальное наследие и диалог культур как исток духовности современного общества [Электронный ресурс]. URL: <http://econf.rae.ru/article> (дата обращения: 09.12.16).

8. Алексеева Т. П. Динамика конструкции и декора алтайского национального костюма как отражение этнокультурных связей // Электронный научный журнал. 2015. № 2 (2).

9. Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

10. Алтайский национальный костюм / вступ. ст. Е. Зайцевой. Горно-Алтайск, 1990.

11. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Украшения и принадлежности женского костюма из позднесредневекового погребения Чоба-Баш в Горном Алтае [Электронный ресурс]. URL: <http://40let.gf.nsu.ru/conference/borisenko> (дата обращения: 07.07.15).

BIBLIOGRAPHY

1. Eliade M. Svyashchennoye i mirskoye. M., 2013.
2. Nekhvyadovich L.I. Etnoiskusstvoznaniye kak metod izucheniya etnokul'turnykh traditsiy v izobrazitel'nom iskusstve // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. №6 (43). Gorno-Altaysk 2013.
3. Yatsenko S.A. Kostyum drevney Evrazii: iranoyazychnyye narody. M., 2006.
4. Potapov L.P. Etnicheskiy sostav i proiskhozhdeniye altaytsev. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. L., 1969.
5. Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altaytsev // SMAE. 1924. Т. 4. Вып. 2.
6. L'vova E.L., Oktyabr'skaya I.V., Sagalayem A.M., Usmanova M.S. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov YUzhnoy Sibiri. Novosibirsk, 1988.
7. Korneyeva G. S. Dekorativnaya funktsiya kostyuma kak indikator formirovaniya material'noy i dukhovnoy kul'tury obshchestva [Electronic resource]. URL: <http://econf.rae.ru/article>. Natsional'noye naslediyе i dialog kul'tur kak istok dukhovnosti sovremennogo obshchestva. (accessed: 09.12.16).

8. Alekseyeva T.P. Dinamika konstruksii i dekora altayskogo natsional'nogo kostyuma kak otrazheniye etnokul'turnykh svyazey // Elektr. nauch. zhurn. 2015. № 2 (2).

9. D'yakonova V.P. Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya) / V. P. D'yakonova. – Gorno-Altaysk, 2001. 223 s.

10. Altayskiy natsional'nyy kostyum / vstup. st. E. Zaytsevov. Gorno-Altaysk, 1990.

11. Borisenko A. YU., S. KHudyakov Y.U. Ukrasheniya i prinadlezhnosti zhenskogo kostyuma iz pozdnesrednevekovogo pogrebeniya S Hoba-Bash v Gornom Altaye [Electronic resource]. URL: <http://Internet-konferentsiya40let.gf.nsu.ru/conference/borisenko> (accessed: 07.07.15).

УДК 745.5 (571.150) + 930.25 (571.150)

Ю. В. Кирюшина,

Ю. К. Кирюшин, Алтайский государственный университет (Барнаул)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АЛТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ ПО ТЕКСТИЛЮ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Рассматриваются основные материалы из Центра хранения архивного фонда Алтайского края, характеризующие творческую деятельность художников по текстилю, работавших в мастерской Барнаульского хлопчатобумажного комбината во второй половине XX в.

Ключевые слова: архивные фонды, художественная мастерская, текстиль, ткани, крок, орнаментальная композиция, художник, архетипические мотивы, орнамент.